

Метафора в структуре познания сложности

Александр В. Думов^{а, @}

^а Сибирский федеральный университет, Россия, г. Красноярск

[@] avdumov@inbox.ru

Поступила в редакцию 26.10.2020. Принята к печати 17.11.2020.

Аннотация: Рассматривается совокупность воззрений представителей современной философской и теоретико-методологической рефлексии проблем познания сложности на значение и роль метафоры в процессах познания, в исследовательской коммуникации и трансляции знания о сложном. Предлагается подход к классификации метафор, существующих в контексте исследований сложности. Представленный подход основан на выявлении определенного онтологического и эпистемического содержания используемых метафорических конструкций. Данными аспектами содержания метафоры определяется ее контекстуальная роль в организации процессов познания. Анализируются группы метафорических конструкций, связанных с характерными для рефлексии сложности тематиками самоорганизации, экологии, диалога. Показано значение метафор в создании сложного видения взаимосвязи познающего разума и мира. Рассматриваются аксиологические аспекты содержания метафор, фигурирующих в исследованиях сложности. Исследуется связь метафоры и нового видения рациональности, характерного для представителей философской рефлексии сложности. Показан эвристический и коммуникативно-организационный потенциал метафоры в условиях методологической неопределенности. Исследование значения метафоры в контексте философской и теоретико-методологической рефлексии сложности направлено на выявление специфики существующих моделей познания сложности и характерной для них когнитивной стилистики.

Ключевые слова: онтологическая сложность, эпистемическая сложность, эвристическая ценность, рациональность, неопределенность

Для цитирования: Думов А. В. Метафора в структуре познания сложности // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4. № 4. С. 315–322. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-4-315-322>

Введение

Для постнеклассической философии и науки характерна теоретико-методологическая рефлексия над феноменом сложности. Различаются онтологический и эпистемический ракурсы рассмотрения феномена сложности. В онтологическом смысле под сложностью системы понимается, во-первых, наличие в ней комплекса взаимосвязанных разнородных детерминант ее существования и взаимодействия со средой; во-вторых, наличие свойства генерировать новые детерминанты своего функционирования и развития (автономно определять номологические основания своего существования, поддерживать или изменять их).

Способность системы активно участвовать в создании своего будущего в условиях неопределенности выступает онтологической предпосылкой эпистемической сложности, выражающейся, в частности, в невозможности создания универсального набора теоретических и методологических средств, позволяющих адекватно моделировать жизнедеятельность и эволюционные траектории сложных систем. То есть методологическая сложность исследования сложности системы во многом обусловлена постоянно воспроизводимой самой системой принципиальной неопределенностью, незавершенностью ее онтологической структуры.

Различные формы философской и научной рефлексии знания о сложности тяготеют к интеграции и взаимодействию,

и их разграничение зачастую не представляется возможным: в этом смысле философия, по выражению Б. Рассела, не имеет особого «источника мудрости» [1, с. 114] и вместе с наукой находится в поле реализации единой гносеологической функции. В этом проявляется предельное значение феномена сложности – его исследование осуществляется представителями различных форм познания на одном уровне. Иными словами, многообразие способов рефлексии сложности не исключает возможности говорить о единстве феномена сложности как вызова для человеческого познания и стимула для его развития.

Ряд тенденций в развитии современной критической рефлексии знания определяет и характер коммуникативных средств, используемых в познавательной активности. В качестве основных постнеклассических тенденций нередко выделяются социокультурная детерминация познания и методологический плюрализм [2, с. 5], которые могут быть объединены под наименованием плюралистических тенденций в онтологии знания, т. к. обращение к социальным и культурным детерминантам подразумевает погружение в контекст многообразия оснований знания. Данным обстоятельством определяется и потребность постнеклассического знания в форме выражения, способной интегрировать в исследовательском контексте различные по своим парадигмальным, методологическим и мировоззренческим ориентациям

позиции. Важнейшим из таких средств для ряда теоретиков познания представляется метафора. К обсуждению роли и значения метафоры в контексте познания сложности обращается множество исследователей, большинством из них метафоричность рассматривается как важнейшее свойство знания о сложности. Ими не только создаются новые метафоры, но и раскрывается метафорический потенциал различных понятий. Анализ взаимосвязей между понятиями и метафорами в контексте языка исследований сложности представляет собой одну из задач настоящего рассмотрения.

Метафора рассматривается не только как средство передачи знания о сложности, вовлечения в контекст совместного постижения, но и как источник развития самого познания. В. В. Налимовым отмечается возрастающая метафоричность современных научных теорий, в связи с чем им делается вывод, что познавательная активность ученого основана на производстве эффективных метафор, стимулирующих воображение и тем самым открывающих новые пути к пониманию мира, его закономерностей и места человека в нем [3, с. 21]. В свою очередь, французский философ и исследователь сложности Э. Морен отмечает, что для познания сложности необходимы особые концептуальные инструменты [4, с. 87]. Эти средства, а именно диалогика, идея *Unitas Multiplex*, представление феномена рациональности в терминах игры, являются примерами теоретико-познавательной метафорики, цель которой – экспликация принципов познания сложности посредством создания продуктивной аналогии. Мысль об актуальном характере создания и использования метафор в науке и философии развивает и J. V. Callicott, исследователь в области философской экологии и этики: метафора несет в себе аксиологическое содержание познания. Ввиду этого ученый призывает исследователей к тому, чтобы их подход к синтезу и использованию метафор был рефлексивным и ответственным, основанным на учете социальных и этических следствий [5, p. 110].

Изучение положения метафоры в структуре языка познания сложности, а также ее когнитивной функции представляется важным в контексте формирования представлений о гносеологической специфике познания сложности как направления развития познавательной активности человека. Метафора, по замечанию Е. В. Решетниковой, представляет собой «семантическую инновацию» [2, с. 91], и это обстоятельство обуславливает актуальность обращения к метафоре в контексте анализа трансформаций языка философии и науки. Немаловажным является анализ коммуникативных средств сложностных исследований и для уточнения онтологического содержания понятия сложности. Обращение к используемым в контексте рефлексии сложности метафорам необходимо для выявления и классификации способов понимания сложности и требуемых условий взаимодействия с ней. Наконец, актуальное значение осмысления метафорических средств познания сложности определяется возможностью установления степени эффективности использования метафор в организации междисциплинарной коммуникации.

Методологические основы выявления и классификации метафор в рефлексии сложности

В своей фундаментальной работе «Субстанция мышления: язык как окно в человеческую природу» философ и исследователь языка С. Пинкер заключает, что феномен метафоры является настолько всепроникающим, что примеры выражения абстрактных понятий, которые не были бы метафоричными, практически не встречаются [6, с. 15]. Однако непротиворечивое отождествление абстракции и метафоры не представляется возможным, что отмечается самим С. Пинкером в критике концепции метафоры Д. Лакоффа: «нельзя думать, используя одну лишь метафору» [6, с. 308]. Для выявления базовых метафор в структуре языка исследований сложности используются более конкретные по содержанию определения метафоры подходы, нежели предложенный Д. Лакоффом и М. Джонсоном. С. Пинкер фиксирует одну из существенных характеристик метафор, определяя их в качестве обобщений, подводящих конкретный случай под общую категорию, степень работоспособности которых может быть оценена согласно тому, насколько верно ими отражается структура мира [6, с. 320]. Другой функциональный аспект метафоры раскрывается в определении Н. Д. Арутюновой: метафора – это то, что индивидуализирует предмет посредством отнесения его к тому классу, к которому он не принадлежит, это «вторжение индивидуальности в зону классов» [7, с. 348]. Метафора не только обобщает, указывая на принадлежность предмета к классу посредством аналогии, но и индивидуализирует предмет, подчеркивая его сущностные свойства. Иными словами, метафора – это способ манифестации онтологического статуса обсуждаемого феномена.

Для описания функционального положения метафоры в языке сложностных исследований используются подходы к пониманию роли метафоры, предложенные Н. Д. Арутюновой, Д. Лакоффом, М. Джонсоном. Метафоры обеспечивают концептуализацию того или иного фрагмента действительности по аналогии с уже сложившейся системой понятий [7, с. 379]. Метафора представляет собой механизм, предшествующий концептуализации предмета рассмотрения в понятии, она является смыслопорождающим средством. Она также рассматривается как феномен, обеспечивающий понимание [8, с. 208], из чего следует, что определенные метафоры могут влиять на то, каким именно образом будет пониматься предмет исследования. Подход, связывающий метафору и понимание, представленный в работе Д. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем», в особенности интересен в контексте обсуждения аксиологического содержания метафор и его влияния на организацию человеческой деятельности [8]. Несмотря на присущий концепции Д. Лакоффа релятивизм, ценность ее содержания состоит в указании на то, что использование ряда метафор определяется аксиологическими детерминантами.

Не менее важная функциональная особенность метафоры состоит в возможности описания неопишуемого [6, с. 335]. Метафора существует на пересечении рационального

и иррационального, она может способствовать концептуализации феномена и его встраиванию в понятийно-категориальный аппарат исследования, но может способствовать и передаче особого опыта, пережитого во взаимодействии с феноменом. В этом заключается ценность метафор для выражения содержания философской рефлексии: возможность описания такого содержания с помощью единиц существующей философской терминологии присутствует не всегда. Терминологический пробел может преодолеваться посредством введения эффективных метафор. Это обстоятельство приводит некоторых исследователей к заключениям о том, что в основе философской теории лежат не фундаментальные истины о реальности, а конкретные взаимосвязанные наборы метафор [9, р. 48]. Подобные заключения не вызывают доверия по той причине, что любая конфронтация между направлениями философской мысли низводится ими, по выражению С. Пинкера, до уровня «конкурса красоты» [6, с. 334]. Содержательные различия, приводящие к возникновению такого противодействия, игнорируются в пользу расхождений в выборе выразительных средств. Маловероятно, что подобный редуцирующий взгляд на метафору мог бы способствовать пониманию роли метафорических средств в познании действительности.

Сущность метафоры представляет собой предмет активных дискуссий в среде лингвистов, философов и предстателей когнитивных наук. Можно сказать, что риторический вопрос, поставленный Г. Дойчером относительно языка, может быть применен и к сущности метафоры: является ли она природным наследием или артефактом культуры? [10, с. 16]. Наивность крайних позиций в решении вопроса об основаниях метафоры (предполагающих либо отделение метафоры от объективной реальности, либо установление связи между ними) является очевидной, и вопрос о генезисе метафоры подлежит скорее компромиссному, нежели однозначному ригористическому решению.

Поскольку настоящее рассмотрение направлено на выявление и классификацию конкретных метафор, имеющих теоретико-познавательное значение в контексте исследований сложности, детальный анализ вопроса о генезисе метафоры не представляется целесообразным. Необходимым является выделение функциональных типов метафор, которые могут использоваться в языке сложностных исследований. Так, в классификации, предложенной Д. Лакоффом и М. Джонсоном, выделяются онтологические метафоры (предполагающие понимание опыта в терминах объектов и веществ [8, с. 49]), ориентационные метафоры (организуящие одну концептуальную область в отношении другой [8, с. 36]), структурные метафоры (структурирующие один концепт в терминах другого [8, с. 31]). Эта классификация позволяет установить границы области применения метафоры, что определяет ее продуктивность для понимания эпистемической функции различных метафор. Приведенные выше определения метафоры и классификация ее функциональных типов использованы в настоящем рассмотрении для выявления и описания метафор в структуре исследований сложности.

Результаты

Несмотря на то, что спектр используемых в рефлексии сложности метафор является достаточно широким, среди них может быть выделена группа метафор, имеющих «базовый» характер. Подобные метафоры зачастую являются исходными для создания более сложных метафорических конструкций. К числу таких метафор могут быть отнесены *самоорганизация – это творчество, жизнь – это машина, действие – это стратегия, рациональность – это игра, познание – это диалог, мир – это экосистема*. Анализ содержания и функций данных метафор составляет основное содержание настоящего рассмотрения. Метафоры исследуются в контексте сложностных исследований, осуществленных Э. Мореном, К. Майнцером, В. В. Налимовым, Р. Cilliers, Н. Е. Longino, М. Mitchell. Несмотря на то, что философские ориентиры и исследовательские цели этих авторов различны, их объединяет эпистемическая ориентация к сложности, следствием чего является использование ими соответствующих языковых средств, включая данные метафоры.

Метафора *самоорганизация – это творчество* развивается и активно используется в работах Э. Морена, В. В. Налимова. Последний интерпретирует сложность как сознание или слабую форму его проявления, а само сознание понимается им как первичный образ самоорганизации [3, с. 103, 104]. Им развивается философская гипотеза о всеобъемлющем характере сознания и творчества как имманентной ему деятельности. В терминах сознания и творчества как присущей обладающим сознанием человеческим существам упорядочивающей активности им конструируется понимание феномена самоорганизации как такового. Подобные метафорические описания встречаются и у более ранних авторов. Так, Новалис называет мир «тропом духа», пишет, что сущность человека является аббревиатурой, а универсум мира – элонгатурой одной и той же субстанции [11, с. 181].

Признание одухотворенности мира В. В. Налимов считает условием познания его сложности. Этим, в частности, обусловлена его критика синергетического подхода как основанного на механицизме [3, с. 114]. Но возможен и другой ракурс рассмотрения рефлексии сложности, осуществленной ученым: если отвлечься от антиматериалистического пафоса его работ, то можно обратить внимание, что в терминах сознания и творчества им описываются организационные свойства систем определенного типа. Его рассуждение строится вокруг способности биологических систем к саморегуляции и преобразованию среды. Однако аксиологические установки автора препятствуют полноценной концептуализации самоорганизации в неживой природе, и, говоря о физических системах, он «отклоняется» в сторону тематики антропного принципа, утверждая приспособленность Вселенной к разуму человека и сообразность ему. Естественным следствием данных рассуждений является и критика теории самоорганизации как механистической: В. В. Налимов приходит к заключению, что если теория самоорганизации оказывается несостоятельной в объяснении спонтанного возникновения Универсума и раскрытия

сознания в нем, то она не должна препятствовать созданию такого объяснения [3, с. 114]. В контексте понимания сложности, предложенного В. В. Налимовым, метафора *самоорганизация – это творчество* служит средством приобщения к развиваемой автором метафизической концепции.

В первом томе своей основополагающей работы «Метод» Э. Морен также обращается к объяснению самоорганизации в терминах творчества. Им вводятся понятие компетентности для описания организационной способности системы, способности детерминировать определенное разнообразие действий, трансформаций и процессов производства (а значит, и производства себя) и понятие практики для наименования совокупности действий, которые направлены на реализацию компетентности [12, с. 191]. Данные концепты используются им в контексте рефлексии любых систем с активной организацией, а отнюдь не только обладающих сознанием. Это позволяет сделать вывод, что истоки формирования концептуального аппарата, используемого Э. Мореном для описания феномена самоорганизации, являются метафорическими. Описание самоорганизации в терминах сознательной активности и творчества выполняет в рефлексии сложности, осуществляемой философом, двойственную задачу. С одной стороны, сознательная активность и творчество – примеры необычайной сложности, открывающиеся человеку в его собственном существовании, и потому метафоры, основанные на аналогизации с данными феноменами, являются продуктивными ввиду своей демонстративности. С другой стороны, метафоры, связанные с сознательной активностью и творчеством, указывают на включенность человека в контекст онтологической сложности феномена самоорганизации как такового и явления организации как фундаментального бытийного основания мира в целом.

Метафора *жизнь – это машина* занимает особое место в контексте рефлексии сложности, но наиболее яркое выражение она получает в уже упомянутой работе Э. Морена. Машина определяется им как практическое физическое существо, осуществляющее свою активность в силу наличия организационной компетентности [12, с. 192]. Это понятие по своему содержанию является крайне отдаленным от технического, механицистского представления о машине. Почему же Э. Морен предпочитает описание организационной активности живых систем с помощью машинной терминологии? С одной стороны, использование метафоры машины применительно к описанию живых систем может быть объяснено исходя из понимания функции метафоры, предложенного Н. Д. Арутюновой: метафора индивидуализирует нечто путем его описания в терминах класса, к которому оно не принадлежит [7, с. 348]. Но с другой стороны, не привлекается ли Э. Мореном данная метафора для восстановления иных смыслов термина *машина*? Не является ли метафора *жизнь – это машина* средством реконцептуализации феномена машины в контексте философской критики возможностей описания и осмысления сложности, предпринимаемой автором? Посредством использования онтологической метафоры машины, позволяющей

интерпретировать организационные явления в мире живых систем, Э. Морен создает новый путь интерпретации самого понятия машины как деятельной организации, существование которой связано с генеративностью и самовоспроизводством [12, с. 193]. Метафора не только дает понятию машины новую жизнь, но и реализует его интерпретационный потенциал.

Обсуждение феномена действия в терминах стратегии представляет собой пример использования структурной метафоры в рефлексии сложности. Эта метафора основана на противопоставлении программы и стратегии. Если программа представляется в качестве неизменного и предопределенного порядка действий, то стратегия понимается как образ организации деятельности, позволяющей предусмотреть определенное количество сценариев действия, которые могут быть изменены в соответствии с изменяющимися условиями среды. Как отмечает Э. Морен, стратегия борется со случайностью и ищет информацию [4, с. 168]. Иными словами, основная черта стратегии состоит в ее адаптивности, которая основана на рефлексии совершающегося действия и совершенствуется за счет обучения и анализа рисков. С этим согласуется и утверждение Р. Cilliers о том, что человеческий мозг (как пример системы, обладающей способностью к активной самоорганизации) не содержит программ познания и действия *ab initio*, т. е. предустановленных алгоритмов действия, определяющих содержание реализации его активности [13, р. 90]. Метафорическое представление действия в терминах стратегии способствует пониманию сложности его природы, которая существует во взаимодействии с риском и неопределенностью, и потому предполагает рефлексивность и адаптивность средств познания и действия к изменчивым, зачастую неустойчивым и непредсказуемым условиям.

Основными структурными метафорами, фигурирующими в рассмотрении эпистемической сложности, являются *рациональность – это игра* и *познание – это диалог*. Называя рациональность игрой, Э. Морен подчеркивает ее коммуникативный и адаптивный характер: разум создает логические структуры и применяет их к миру, находясь во взаимодействии с ним [4, с. 156]. Рациональность как образ активности познания, как совокупность эпистемических принципов, не является статичной и неизменной: она рождается в содействии с постигаемой действительностью и в ее контексте. Ее следует отличать от рационализации как стремления к редукции действительности познаваемого явления (и постигаемой реальности в целом) к определенному набору схем, к системе положений, познавательная значимость которых абсолютизируется. Рациональность и рационализация имеют один источник – стремление к связанному видению вещей мира и реальности, цель которого – обеспечение успешной деятельности, адекватной условиям среды. Но развиваясь, они становятся, по выражению Э. Морена, врагами друг друга [4, с. 157].

Стремление к рационализации, выражающееся в переоценке определенных теоретических инструментов, противоречит духу сложностных исследований.

Конечно же, для сложностных исследований недостаточность концептуального аппарата, методологическая и терминологическая неопределенность составляют существенную проблему. Сама по себе возрастающая заинтересованность в достижении определенности в понимании сложности и возможностей ее описания, отмечаемая в том числе М. Mitchell [14, р. 301], не является проявлением редутивных тенденций. Именно попытки создания единых теорий, претендующих на универсальное и исчерпывающее объяснение сложных феноменов, являются примером негативной рационализации. Метафора *рациональность – это игра* выражает базовую эпистемическую установку сложностных исследований на сохранение многообразия теоретических подходов и методологических средств. Интересен тот факт, что в самом понятии сложности может быть обнаружен «заряд» метафоричности: англоязычный термин *complex*, обозначающий характеристику сложности, происходит от латинского *plectere* – ткать, переплести [14, р. 4]. Метафора переплетения, ткани представляет собой одно из базовых средств формирования представлений об онтологии сложных систем и особенностях организации их исследования: сложность феномена познается как переплетение разнородных составляющих и многообразных факторов, определяющих облик его существования.

Метафора *познание – это диалог* тоже представляет собой одно из базовых средств описания эпистемической специфики сложностных исследований. Диалог в данном случае не тождественен консенсусу: он предполагает и различные формы содействия, и противоречие, и конкуренцию сторон в их взаимодействии. В концепциях диалогичности познания активно используется термин *логика*, которым обозначается определенная форма разума, предполагающая соответствующие ей способы осмысления и понимания феномена. Диалогическая метафора является продолжением изначальной тенденции к представлению действительности сложных феноменов с помощью образа переплетения: ткань знания о сложности рождается в содействии содержательно различных форм и способов ее представления. Смысл диалогической метафоры эксплицируется в утверждении В. С. Библера о том, что в среде господствующей монологии нет логики творчества [15, с. 55].

Диалог является не только символом интеграции: важная содержательная особенность диалогических метафор состоит в том, что они обращают к необходимости признания уникальности другого, признания существования иных путей развития, рассмотрения, исследования как равноправных. Диалогические метафоры выражают один из базовых аксиологических принципов сложностного подхода, подчеркнутый К. Майнцером: в сложном мире не существует единственного метода прогнозирования и принятия решений [16, с. 416]. Представления К. Майнцера о диалогичности познания как условия организации сложностных исследований выражаются в его рассуждениях о возрастающей интеграции исследователей в коммуникативные сети, исключающие централизованное управление. Следует отметить, что понятие сети содержит

в себе проявление фундаментальной для понимания сложности онтологической метафоры переплетения. К анализу онтологического содержания диалогического отношения обращается Э. Морен. Оно понимается как симбиоз двух логик, которые одновременно находятся в отношениях взаимоположения, антагонизма, конкуренции и содействия [12, с. 107]. Диалог подразумевает содействие взаимоисключающих и онтологически разнородных сил [4, с. 220]. Диалогические метафоры познания позволяют акцентировать внимание на том, что естественная несонаправленность исследовательских позиций и различие в их фундаментальных теоретических установках не исключают их кооперации, а существующие между ними противоречия не являются деструктивными для самого контекста постижения мира человеком.

В языке сложностных исследований присутствуют экологические метафоры. Типичным примером экологической метафоры будет представление мира (общества, конкретной сферы человеческой деятельности, исследовательской отрасли и т. д.) в терминах экосистемы. В теоретико-познавательном контексте экологические метафоры используются для объяснения взаимодействия между исследовательскими позициями: экологичность эпистемологической сложности заключается в их направленности к поддержанию баланса между различными концепциями с целью противодействия негативной редукции. Примером подобного проекта сложностной эпистемологии является критический контекстуальный эмпиризм Н. Е. Longino, основными принципами которого являются плюрализм ценностных моделей, плюрализм контекстов их взаимодействия, признание неминуемой трансформации убеждений и познавательных установок сообщества в зависимости от разделяемого им критического дискурса, развитие и поддержание критически-рефлексивного отношения сообществ к самим стандартам регуляции критики и аргументации возможных позиций [17, р. 214].

Примером использования экологической метафоры будет являться и обсуждение жизнеспособности концепций: по мысли Н. Е. Longino, нежизнеспособность точки зрения (концепции, подхода) обуславливается тем, что она не выдерживает критики, а ее содержание не может быть адекватно обосновано с помощью принятых способов аргументации (при этом критические и аргументативные модели определяются социально-аксиологическими установками исследовательского контекста) [17, р. 214–216]. Не менее ярким примером использования экологической метафоры являются рассуждения Э. Морена об укорененности сложностного мышления в среде: оно всегда является локальным, принадлежит определенному месту и развивается в определенном временном контексте [4, с. 239]. Для объяснения связи человеческого разума и мира Э. Мореном привлекается принцип само-эко-организации, в основании которого в качестве смыслопорождающего механизма лежит метафора *мир – это экосистема*. Принцип утверждает представленность мира как целого в разуме каждого постигающего его актора [4, с. 179]. Причиной развития экологической метафоры в контексте сложностных исследований

является его эвристическая ценность для объяснения явлений, связанных с организацией и развитием сложных систем, а важнейшим следствием ее активного использования – расширение экологического подхода и отмечаемый, в частности Е. Н. Князевой, выход экологии за пределы биологического и естественнонаучного знания в целом [18, с. 17]. Метафора *мир – это экосистема* активно используется в исследовании сложности познания, действия, мышления, а также для описания сложных системных структур социального, экономического и политического характера.

Заключение

На основании рассмотрения базовых метафор, используемых в рефлексии сложности, можно сделать вывод о роли и значении метафоры в формировании понимания феномена сложности и конституировании рефлексии сложного. Роль метафор в контексте исследований сложности в большей степени является эвристической, т. е. метафоры привлекаются как средства для последующего формирования конкретных концептуальных средств и определения границ используемых подходов. Ценность метафоры определяется тем, что она образует контекст смыслопорождения, служит для вовлечения познающего разума в контекст исследования путем трансляции духа сложности, т. е. образного выражения ее основных форм представления. В то же время значение метафоры для формирования и развития сложных исследований определяется проверкой ее эффективности, т. е. того, насколько ценной она является для выражения специфики изучаемых предметов и явлений [19, р. 18]. Иными словами, ценность метафоры определяется ее апробацией в синтезе моделей сложности и способов объяснения

явлений и процессов, протекающих в сложных системах. Описанные метафоры могут рассматриваться как средства передачи аксиологических установок познания сложности и фундаментальных принципов сложного мышления.

Рассмотренные метафоры используются для выражения проявлений сложности посредством создания продуктивных аналогий. Отношения феномена сложности и метафорических способов его представления (которые сами содержат сложность в себе) хорошо иллюстрируется словами А. Н. Уайтхеда: «Целое демонстрирует составляющие его части, ценность каждой из которых увеличилась, а части ведут к целому, которое больше их, но не является разрушительным по отношению к ним» [20, с. 388]. Использование метафоры в контексте рефлексии сложности может рассматриваться в качестве философского изобретения: продуктивные аналогии, на которых они основаны, способствуют разработке различных гносеологических новаций. Классификация таких новаций предлагается И. И. Лапшиным: к ним относится, например, уяснение природы конкретной категории, установка связи между категориями, построение связного понятия о мире [21, с. 167]. Описанные в данной статье метафоры могут служить отправной точкой для построения рассуждений, направленных на формирование совокупности понятий и категорий, используемых для построения рассуждений о природе сложности. Значение метафор для структурирования познания сложности определяется их потенциалом в формировании мировоззренческих представлений: метафора может рассматриваться как носитель ценностно-ориентационных установок и паттернов мышления и обеспечивать их передачу.

Литература

1. Рассел Б. Избранные труды / пер. с англ. В. В. Целищев, В. А. Суровцев. Новосибирск: Сибирское унив. изд-во, 2009. 257 с.
2. Решетникова Е. В. Метафора в постнеклассическом познании. Новосибирск: НГАСУ (Сибстрин), 2013. 160 с.
3. Нахимов В. В. В поисках иных смыслов. М.: Прогресс, 1993. 260 с.
4. Морен Э. О сложности / пер. Я. И. Свицкого; под ред. В. И. Аршинова. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2019. 272 с.
5. Callicott J. B. Introduction to ecological worldviews: aesthetics, metaphors and conservation // Linking ecology and ethics for a changing world / eds. R. Rozzi, S. Pickett, C. Palmer, J. J. Armesto, J. B. Callicott. N. Y.: Springer, 2014. P. 109–111.
6. Пинкер С. Субстанция мышления: язык как окно в человеческую природу / пер. с англ. В. П. Мурат, И. Д. Ульяновой. 2-е изд., испр. М.: URSS; ЛИБРОКОМ, 2016. 557 с.
7. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Яз. рус. культуры, 1999. 895 с.
8. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А. Н. Баранова, А. В. Морозовой; под ред. А. Н. Баранова. М.: УРСС, 2004. 252 с.
9. The Cambridge handbook of metaphor and thought / ed. R. W. Gibbs, Jr. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 566 p. DOI: 10.1017/CBO9780511816802
10. Дойчер Г. Сквозь зеркало языка / пер. с англ. Н. Жуковой. М.: АСТ, 2019. 444 с.
11. Новалис. Фрагменты / пер. с нем. А. Л. Вольского. СПб.: Азимут, 2014. 317 с.
12. Морен Э. Метод. Природа природы / науч. ред. и пер. Е. Н. Князевой. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2013. 488 с.
13. Cilliers P. Complexity and postmodernism. London, N. Y.: Routledge, 1998. 176 p.
14. Mitchell M. Complexity: a guided tour. Oxford, N. Y.: Oxford University Press, 2009. 349 p.
15. Библер В. С. От наукоучения – к логике культуры. Два филос. введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1991. 412 с.
16. Майнцер К. Сложносистемное мышление: материя, разум, человечество: новый синтез / под ред. Г. Г. Малинецкого; пер. с англ. А. В. Беркова. М.: URSS: Либроком, 2008. 463 с.

17. Longino H. E. *Legacies of positivism in the philosophy of science // Linking ecology and ethics for a changing world* / eds. R. Rozzi, S. Pickett, C. Palmer, J. J. Armesto, J. B. Callicott. N. Y.: Springer, 2014. P. 207–217.
18. Князева Е. Н. Экологическая философия: мировоззренческие измерения современной экологии // Вестник Международной академии наук (Русская секция). 2019. № 1. С. 16–23.
19. Cowan G. A., Pines D., Meltzer D. *Complexity: metaphors, models and reality*. Cambridge, MA: Perseus Books, 1999. 731 p.
20. Уайтхед А. Н. *Избранные работы по философии* / пер. с англ. и общ. ред. М. А. Кисселя. М.: Прогресс, 1990. 716 с.
21. Лапшин И. И. *Философия изобретения и изобретение в философии: Введ. в историю философии*. М.: Республика, 1999. 398 с.

original article

Metaphor in the Structure of Exploring Complexity

Alexander V. Dumov^{a, @}

^a Siberian Federal University, Russia, Krasnoyarsk

@avdumov@inbox.ru

Received 26.10.2020. Accepted 17.11.2020.

Abstract: The paper presents a review of modern philosophical and methodological literature on exploring complexity. The research featured the effect of metaphor in the cognitive processes, research communication, and transmission of complex ideas. The author developed a classification of metaphors in the context of exploring complexity. The approach is based on the identification of a certain ontological and epistemic content of the metaphor. The contextual role of the metaphor in cognition processes depends on these aspects of its content. The author analyzed the groups of metaphors associated with such topics of exploring complexity as self-organization, ecology, and dialogue. The metaphors proved important in developing a complex vision of the relationship between the cognizer and the world. The study also examined the axiological aspects of the metaphors, as well as the connection between the metaphor and the new vision of rationality, typical of the philosophical reflection of complexity. The metaphor proved to have a heuristic, communicative, and organizational potential in conditions of methodological uncertainty. The context of philosophical and theoretical-methodological reflection of complexity makes it possible to study the metaphor in order to identify the existing models of exploring complexity and their cognitive stylistics.

Keywords: ontological complexity, epistemic complexity, heuristic value, rationality, uncertainty

For citation: Dumov A. V. Metaphor in the Structure of Exploring Complexity. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2020, 4(4): 315–322. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-4-315-322>

References

1. Russell B. *Selected works*, trs. Tselishchev V. V., Surovtsev V. A. Novosibirsk: Sibirskoe univ. izd-vo, 2009, 257. (In Russ.)
2. Reshetnikova E. V. *Metaphor in Post-nonclassical knowledge*. Novosibirsk: NGASU (Sibstrin), 2013, 160. (In Russ.)
3. Nalimov V. V. *In search of other meanings*. Moscow: Progress, 1993, 260. (In Russ.)
4. Morin E. *On complexity*, tr. Svirskii Ia. I., ed. Arshinov V. I. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy, 2019, 272. (In Russ.)
5. Callicott J. B. Introduction to ecological worldviews: aesthetics, metaphors and conservation. *Linking ecology and ethics for a changing world*, eds. Rozzi R., Pickett S., Palmer C., Armesto J. J., Callicott J. B. N. Y.: Springer, 2014, 109–111.
6. Pinker S. *The stuff of thought*, trs. Murat V. P., Ulianova I. D., 2nd ed. Moscow: URSS: LIBROKOM, 2016, 557. (In Russ.)
7. Aroutiounova N. D. *Human language and the world*, 2nd ed. Moscow: Iaz. rus. kultury, 1999, 895. (In Russ.)
8. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*, trs. Baranov A. N., Morozova A. V., ed. Baranov A. N. Moscow: URSS, 2004, 252. (In Russ.)
9. *The Cambridge handbook of metaphor and thought*, ed. Gibbs R. W., Jr. Cambridge: Cambridge University Press, 2008, 566. DOI: 10.1017/CBO9780511816802
10. Deutscher G. *Through the language glass*, tr. Zhukova N. Moscow: AST, 2019, 444. (In Russ.)
11. Novalis. *Fragments*, tr. Volskii A. L. St. Petersburg: Azimut, 2014, 317. (In Russ.)
12. Morin E. *La Methode. La Nature de la nature*, ed. and tr. Knyazeva H. N. Moscow: Kanon+ROOI "Reabilitatsiia", 2013, 488. (In Russ.)
13. Cilliers P. *Complexity and postmodernism*. London, N. Y.: Routledge, 1998, 176.

14. Mitchell M. *Complexity: a guided tour*. Oxford, N. Y.: Oxford University Press, 2009, 349.
15. Bibler V. S. *From science of knowledge to the logic of culture. Two philosophical introductions to the twenty-first century*. Moscow: Politizdat, 1991, 412. (In Russ.)
16. Mainzer K. *Thinking in complexity. The Computational dynamics of matter, mind and mankind*, ed. Malinetskii G. G.; tr. Berkov A. V. Moscow: URSS: Librokom, 2008, 463. (In Russ.)
17. Longino H. E. Legacies of positivism in the philosophy of science. *Linking ecology and ethics for a changing world*, eds. Rozzi R., Pickett S., Palmer C., Armesto J. J., Callicott J. B. N. Y.: Springer, 2014, 207–217.
18. Knyazeva H. N. Ecological philosophy: world view dimensions of the modern ecology. *Vestnik Mezhdunarodnoi akademii nauk (Russkaia sektsiia)*, 2019, (1): 16–23. (In Russ.)
19. Cowan G. A., Pines D., Meltzer D. *Complexity: metaphors, models and reality*. Cambridge, MA: Perseus Books, 1999, 731.
20. Whitehead A. N. *Selected works on philosophy*, tr. and ed. Kissel M. A. Moscow: Progress, 1990, 716. (In Russ.)
21. Lapshin I. I. *Philosophy of invention and invention in philosophy. Introduction to history of philosophy*. Moscow: Respublika, 1999, 398. (In Russ.)